

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

ЧТО-ТО
ЗАЗВЕНЕЛО
(СБОРНИК)

Владимир Орлов

Что-то зазвенело (сборник)

«ФТМ»

Орлов В. В.

Что-то зазвенело (сборник) / В. В. Орлов — «ФТМ»,

В сборник вошли известные рассказы «Что-то зазвенело», «Трусаки» и «Субботники», а также эссе разных лет.

© Орлов В. В.

© ФТМ

Содержание

Рассказы	5
Что-то зазвенело	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Викторович Орлов

Что-то зазвенело (Сборник)

Рассказы

Что-то зазвенело

1

Домовой Иван Афанасьевич ждал субботы. Он знал, что в субботу вечером, в семь часов, Екатерина Ивановна пойдет в кинотеатр «Космос» на французский фильм «Замороженный». Он знал, что билет ей выпадет на шестнадцатое место в четырнадцатом ряду. У Ивана Афанасьевича и у самого в субботу был выходной. Муж Екатерины Ивановны находился теперь в отъезде. Впрочем, муж тут не имел никакого значения.

2

Прежде, до переезда, Иван Афанасьевич был в ответе за двухэтажный деревянный дом в переулке возле Трифоновской улицы. Но тот дом снесли. Дернул бульдозер трос, порушил столбы и перекрытия. Поднялась труха и опала. Предприимчивые люди уволокли доски покрепче для устройства дач. А Иван Афанасьевич пешком с остановкой в пивном шестиграннике у Крестовского моста отправился в Останкино на новое место своего существования.

Место это было желто-розовое, в девять этажей, с четырьмя подъездами. Будто бы Иван Афанасьевич получил повышение. А ведь не просил ни о чем. Может, очередь его подошла. А может, случилась путаница. Не те цифры где-нибудь зачеркнули. Ну и не его это было дело. Иван Афанасьевич не любил суеты, не понимал стремлений приятелей пробиться в здания посolidней. Чуть ли не в самую Останкинскую башню. Он и дровяной сарай согласился бы принять, лишь бы в нем не водились крысы. Шуршание этих мерзких животных, ненасытная толкотня их, движения в пазах гнилого дерева раздражали его мечтательную натуру. Пусть хоть и девять этажей, но без крыс. Так он себя и успокоил.

В старом доме он отдыхал на чердаке, где днем сушилось белье и дети возле печных труб играли в прятки. В душные августовские ночи он спускался в подвал сапожника Михайлова и спал там в кадках из-под квашеной капусты. А когда в дом провели водяное отопление, он освоил дымоходы и пустые печи. Славно там было! Новое место поначалу Ивана Афанасьевича печалило и оглушало. Ни чердаков тут не полагалось, ни подполов, ни печей. Первые дни Иван Афанасьевич спал на плоской, как футбольное поле, крыше, однако промок, стал кашлять, чихать, а ближняя аптека у ресторана «Звездный» прочно держалась на учете.

Тогда Иван Афанасьевич перебрался в мусоропровод третьего подъезда. Но и тут ждали его неприятности. Жильцы поселились в доме молодые, энергичные, они и ночью и даже в покойные предрассветные часы пускали вниз по трубе мешавшие им предметы. В особенности бутылки, не соответствующие стандартам пунктов приема посуды. Четыре таких бутылки из-под светлого румынского пива «Букурешти», брошенные ловкой рукой, однажды протащили бедного Ивана Афанасьевича по трубе с седьмого этажа до третьего. При этом бутылки под-

прыгивали и обидно били по спине. Спросонья Иван Афанасьевич не понял, чья это была ловкая рука, а то пришлось бы в квартире той руки проводить срочный ремонт.

«Ну да бог с ней!» – вздохнул Иван Афанасьевич и съехал из мусоропровода. Теперь уже под лифт. Там была такая крепкая пружина из толстых стальных колец. Он себе эту пружину и приглядел. Залезет в нее и спит. Поначалу удары лифта по пружине его раздражали, и нет-нет, а лифт Иван Афанасьевич ломал. Потом привык он и к ударам. И они ему стали милы. И уже не только не мешали ему спать, но и мечтать не мешали.

А в мечтаниях его непременно возникал легкий и непорочный образ Екатерины Ивановны. Иван Афанасьевич умилялся, шептал: «Катенька...» – и вздыхал, отчего пустой лифт тут же трогался с места.

3

Как это угораздило влюбиться его? Ведь он уже любил всерьез семь раз и знал, к чему это приводит. Да и не мог он ее любить вовсе. Однако увидел Екатерину Ивановну в магазине на Аргуновской в очереди за рыбой сквамой, так все в нем и оборвалось. Он уже и нашатырь пил, и тер виски голубиным пометом, и в общественную работу втягивался, и в «Спортлото» играл – ничто не помогало. Может, нашатырь пошел не тот, искусственный, может, голуби обленились, а только не выходила Екатерина Ивановна из его сердца. Как все было глупо и как все было сладко! Иван Афанасьевич, сидя в своих кольцах, даже стихи стал сочинять. А по утрам, когда Екатерина Ивановна спешила на Язу, в свой НИИ, где она, бедняжка, целый день из одной колбочки в другую переливала жидкости, Иван Афанасьевич издали восторженным старшекласником любовался ею. Иногда Екатерина Ивановна оборачивалась, но разве могла она среди прочих торопливых существ заметить его, Ивана Афанасьевича!

Все в ней нравилось ему. И волосы после парикмахерской, и дорогие французские духи, и следы собачьих зубов на белой ноге, и то, как мило она говорила собеседникам: «Нет, правда? Ты меня разыгрываешь...», и то, как она усердно носила домой издалека тома трех серий «Библиотеки всемирной литературы», заготавливая книги впрок для малого сына и будущих внуков. И Катенькин муж Ивану Афанасьевичу, конечно, нравился – Михаил Анатольевич человек очень обаятельный, несмотря на отпущенную недавно рыжеватую, всю из мелких ключьев бороду. Не было у Ивана Афанасьевича фотографии Екатерины Ивановны, однако польская певица Иоланта Борусевич показалась отчасти на нее похожей. В ларьке «Союзпечати» Иван Афанасьевич позаимствовал гибкую пластинку Иоланты Борусевич. Конверт с портретом он хранил под лифтом, а пластинку иногда проигрывал на радиоле в опечатанной квартире Сушковых, уехавших на три года в Кувейт добывать машину.

Иван Афанасьевич слушал, бывало, Иоланту, закрывал глаза и думал о своей прелестнице.

Чего бы он для нее только не сделал! Уж точно, никогда бы не пришлось в квартире Екатерины Ивановны устраивать ремонтов. Ни одна бы мошь здесь не летала, ни один бы поганый клоп по стенам не бродил, ни одна бы букашка блинную муку не портила. Тут бы и паркет был целехонек и ровен, и мышь бы без дела не скреблась, и не рвались бы обои, и трещины на потолке замазывались бы сами собой. Иван Афанасьевич мог бы тайно стирать и гладить хозяйке и мужу, до того крепким было его чувство. Протянула бы Екатерина Ивановна руку к нечистому платью, а оно – на тебе! – будто бы только что из прачечной и с гладильной доски. Иван Афанасьевич и лампочкам не давал бы перегорать. Да что там лампочки! В этой святой квартире и водопроводчик был бы тихим и робким, и четыре рубля не к нему бы ушли, а остались бы для Михаила Анатольевича.

Многое умел Иван Афанасьевич. Многому был обучен. Да что толку! Только и оставалось Ивану Афанасьевичу руки протягивать в сторону судьбы и говорить мысленно в ту же сторону: «Ох, судьба, куда же ты смотришь!»

Иван Афанасьевич служил в двадцать первом доме. Екатерине же Ивановне дали ордер в дом номер двадцать пять.

А домового в двадцать пятом доме исполнял Георгий Николаевич.

Двадцать пятый был дом как дом. Башня в двенадцать этажей. Но Георгий Николаевич считал, что его обошли, и несколько завидовал Ивану Афанасьевичу. Двадцать первый был домом первой категории, а двадцать пятый – второй.

– Эва, смотрите, – говорил Георгий Николаевич, – двери-то у вас какие, под дуб, и ручки блестят, и подоконники широкие... А у меня что?.. Так... Тьфу...

Мелочи всегда трогали Георгия Николаевича. Иван Афанасьевич это знал. Познакомились они в Крымскую войну, в восемьсот пятьдесят четвертом году. Тогда их деревянные дома стояли стена к стене на нечетной стороне Третьей Мещанской, за церковью Филиппа Митрополита. Георгий Николаевич отличался в ту пору легкомысленностью и в доме, где служил Иван Афанасьевич, воровал пареную репу. Иван Афанасьевич поймал его однажды, Георгий Николаевич плакал, по молодости лет и незнанию лешачьих законов он думал, что за кражу его развеют по ветру. Однако Иван Афанасьевич дальнейшего хода делу не дал, а, пожурив разбойника крапивой, отпустил его. Репу, конечно, отобрал. Потом их дома сгорели и пути разошлись. Узнавали они друг о друге случаем. И вот опять стали соседями.

Иван Афанасьевич полагал, что отношения у них с Георгием Николаевичем все же неплохие. И он уже давно хотел просить Георгия Николаевича окружить по своей линии Екатерину Ивановну теплом и вниманием. Что ему стоит! И он бы соседу отплатил добром. Да все робел и откладывал разговор.

Наконец пришел вечером в собрание сослуживцев и сказал себе твердо: «Сегодня поговорю непременно». Не мог больше терпеть. А собирались домовые при ЖЭКе. Куда им было еще податься?

4

ЖЭК занимал второй этаж дома дачного вида, да еще с башенкой, на Аргуновской. Вела туда очень крутая и высокая лестница, и только здоровый, спокойный и непьющий человек мог попасть в ЖЭК на работу и на прием. Домовых, понятно, лестница не пугала. Под ЖЭКом, на первом этаже, была почта, и одинокий телеграфный аппарат стучал там всю ночь, нисколько не мешая Ивану Афанасьевичу и его приятелям.

Старожилы говорили ему, что поначалу они собирались в большой комнате приемной, но уж больно долго в ней засиживались общественники. Ждешь, ждешь, бывало, пока они уйдут, и зевать начнешь. Перебрались потом в залу главного инженера. Но там отчего-то пахло кислым и шла плохая карта. Перешли в бухгалтерию, здесь и осели.

Не то чтобы очень весело было в их собрании, но и не скучно. Кто пел, кто играл в бридж, кто в шашки, кто в домино, кто распечатывал кроссворд, кто вышивал бисером, кто гадал, признает ли Мальта правительство Бахрейна или нет. Откуда-то возникали бутылки, и образовывался то ли бар, то ли буфет. Иногда вдруг такая стихия захватывала компанию, что все становились прямо как маленькие дети! Плясали, шумели, лампочки выкручивали в коридоре, на руках с рюмкой во рту спускались по лестнице, попрыгунчика Леонида Борисовича связывали тесемками от папок и сургучом приклеивали к потолку.

А иногда, напротив, все сидели серьезные, умные и вслух страдали за жильцов. Оглядываясь по сторонам, ругали техников-смотрителей и слесарей. И тут же начинали обдумывать: что бы такое предпринять, от чего бы ЖЭК стал лучше. Иван Афанасьевич при этом мечтал

про себя: «Эх, как бы моим жильцам да что-нибудь эдакое... И Екатерине Ивановне...» Но что он мог сделать? Самое большое – забраться сейчас в кабинет начальника конторы и в папке его переложить жалобы своих жильцов на первое место под самую обложку... Но ведь и другие домовые не дураки, и они тут же жалобы своих перетянули бы вперед.

А публика собиралась интересная. Самые разные домовые. Правда, мелкие чином, как и Иван Афанасьевич, но почти все с историями. Только несколько шалопаев из блочных домов историй не имели, отличались номерами домов, в которых и завелись, шей они не мыли, орали иностранные слова и в собрании хамили старшим, будто в подворотне. А в общем, и они были милые ребята. Отчеств им пока не полагалось, обходились прозвищами, а то и просто номерами домов.

«Хорошие ребята, – думал, глядя на них, Иван Афанасьевич. – Жизнь по-новому переделают... Вот только трудно им будет. Ни об чем понятия у них нет...»

Все прочие завсегдатаи имели имена-отчества, и, как правило, имена эти совпадали с именами хозяев первых домов, куда знакомцы Ивана Афанасьевича попали кто триста, а кто сто лет назад. Только Артем Лукич, изменив взгляды, принял имя председателя жилтоварищества. Он и усы от него носил.

Очень забавлял Ивана Афанасьевича домовый Велизарий Аркадьевич. Он долгие годы жил в особняке стиля «модерн» и весь был изогнутый и воздушный. Часто Велизарий Аркадьевич как бы никого не видел и читал вслух Бальмонта. Иногда он поднимался над столом бухгалтера, с неким воем обхватывал руками голову, потом опускал ладони на плечи и говорил, что голова и плечи у него целиком из высокой духовности. «А как же шея?» – спрашивал один из шалопаев. Тут Велизарий Аркадьевич обижался, уходил в угол, замыкался в себе, и Иван Афанасьевич шел утешать его.

Из стариков Ивану Афанасьевичу нравился Федот Сергеевич. Вечно он был печален, но справедлив. Века три подряд он жил в каменных палатах дьяка Суroveгина. Палаты снесли по злой небрежности районного архитектора, о чем была статья в газете. И теперь Федот Сергеевич чуть ли не каждый день ходил в дом к тому архитектору, бил посуду из комиссионных сервизов и выливал на ватманскую бумагу тушь из пузырьков. Однажды в особой печали Федот Сергеевич целый пузырек опрокинул на лысину спящего архитектора. А тому предстояло идти на важный прием. Иван Афанасьевич как узнал об этом, подошел к Федоту Сергеевичу и пожал ему руку.

Старше Федота Сергеевича в компании был один Василий Михайлович. Круглый, как баташевский самовар, багровый, он перекатывался обычно по комнате, булькал и гоготал. Но уж больно он был нахрапист и хвастлив. В особенности когда в собрании по какому-либо поводу возникал президиум и Василий Михайлович норовил сесть справа от председателя. «Да я!.. Да мы! – кричал он тогда. – Да меня сам Савва Морозов катал в автомобиле, когда ему не спалось... Да что Савва! Меня ребенком Иван Васильевич Грозный держал на коленях...» «Ну ладно Савва Морозов, бог с ним, – думал Иван Афанасьевич. – Но Ивану-то Грозному какая была корысть держать это чучело на коленях?» Однако ничего не говорил.

Но вот уж кто мог шуметь громче всех, кто мог всех перекричать и урезонить, так это Артем Лукич. Геройского вида был Артем Лукич. Он считал, что он в компании самый сознательный и заслуженный, а потому у него больше всех прав. И все так считали. В двадцать восьмом году он перебрался из купеческих хором в Дом нового быта с кухней-коммуной и с тех пор много узнал в политическом смысле. На руке у него была наколка: «Рабочее жилтоварищество – наша крепость». Приятели, ходившие с ним в баню, рассказывали, что у него и по телу идут мысли из устава жилтоварищества, а на левом плече наколот портрет самого председателя с усами и трубкой.

Словом, милейшие собирались личности в доме на Аргуновской. Все были местные, останкинские, из ближних строений. Один Константин Игнатьевич приезжал с Таганки на трех

трамваях. Кто он, зачем он, что ему здесь надо, отчего он тратится на трамваи, никто не знал. Спросить же его было бы дурно. Да и к чему? Раз приезжает, стало быть, надо. Тем более что клубного правила он не нарушал. А правило было строгое: больше, чем двадцать один домовой, в компании быть не должно. Как только двадцать первый приходил – двери запирались. А Константин Игнатьевич аккуратно являлся девятым. И никому не мешал. Сидел себе тихо, один, курил «Мальборо», улыбался и играл сам с собой в коробок. И на вид он был простой, свойский. Никаких печатей на лице не имел.

5

Вот в это собрание Иван Афанасьевич и пришел восьмого августа в самом отважном состоянии духа. Первым делом он отыскал соседа Георгия Николаевича и подсел к нему. Для верности предприятия он все же выставил Георгию Николаевичу бутылку шотландского виски венгерского розлива. Когда оба стали теплы и с умилением принялись вспоминать о юношеских забавах на Третьей Мещанской, Иван Афанасьевич решил, что пора. Он прямо тут и хотел говорить. Однако почему-то оглянулся на Константина Игнатьевича с Таганки и на всякий случай позвал Георгия Николаевича в коридор.

– Жора! Куда же вы?! – обеспокоился блочный шалопай, известный как «номер сорок третий».

Георгий Николаевич поглядел на него, икнул и забрал с собой бутылку виски. В коридоре они с Иваном Афанасьевичем остановились возле тяжелого табурета, крашенного в казенный цвет. Георгий Николаевич хлебнул виски из горла и опустил бутылку на табурет. Как на пьедестал. Ах, Иван Афанасьевич, и зачем, зачем вы только встали возле этого табурета!

– Ну что? – спросил Георгий Николаевич.

– Видите ли, Георгий Николаевич, дело у меня к вам чрезвычайно деликатного свойства... И вы уж будьте добры, надо мной не смейтесь...

– Прожгли, что ли, все? Взаимы, что ли, будете просить?

– Почти что взаимы... То есть нет, но я хотел бы быть у вас в долгу... Дело, видите ли, касается женщины...

– Ба-ба-ба! – вытаращил глаза Георгий Николаевич, он даже отодвинулся от Ивана Афанасьевича и смотрел теперь на него как на домового больного и опасного и для него, Георгия Николаевича, совершенно чужого. – Рисковый вы, однако, рисковый... Нам ведь их нельзя... Вы что – забыли лешачий закон?..

– Неужели вы никогда не любили? – взволнованно спросил Иван Афанасьевич.

– Отчего же? Любил. И теперь, в некотором роде... Птицу любил. У купца Тихонова в огороде. Долго любил. Птицу павлин. Вот с такими перьями. Бывало, голову повернет – а у меня цыпки по коже. А уж когда сварили ее, плакал... Теперь скульптуру люблю.

– Какую, простите, скульптуру? – удивился Иван Афанасьевич.

– Гипсовую. Раньше мрамором увлекался, а теперь гипсом. Мраморные – они высокомерные и не для всех. Оттого и носы у них быют. Сам я одной, знаете... А гипсовые и материалом проще и доступнее, – тут Георгий Николаевич отчего-то засмутился, голову наклонил и, может, не хотел слово выпустить, да не удержался: – Я ведь все время к одной хожу... Знаете, в Останкинском парке возле водяной карусели моя симпатия и стоит. Женского полу. С лещом под мышкой и вот тут. Я ее Гретой зову...

Он замолчал, был размягчен, видно, желал тут же к Грете и пойти.

– Отчего же вы думаете, – спросил Иван Афанасьевич, – что живые – они хуже гипсовых?

– А оттого, – возмущенно заявил Георгий Николаевич, – а оттого, что не гипсовые!

Ивану Афанасьевичу бы понять, что Георгий Николаевич может сейчас обидеться серьезно, а он и сам, на свою беду, разгорячился. Сказал:

– Нет, вы не правы, Георгий Николаевич!

– Ну конечно, куда нам! Это вы всегда тонкостью славились. Только не думаю, что моя Грета хуже вашей... этой... живой... Да ведь нам и нельзя их любить по закону!.. Вы что, ошалели?..

Тут сразу же возле табурета возникла тишина. И надолго. Потом Георгий Николаевич отлил себе в глотку виски и спросил:

– Ну а я тут при чем?

– Она из вашего дома, Георгий Николаевич...

– Из моего? – поперхнулся Георгий Николаевич. – Да в моем доме одни криворылые и придурковатые! Это в вашем доме кое-кто есть, у вас там и двери под дуб, и ручки металлические, а у меня все дрянь... Кто же это?

Не хотел уже, ох как не хотел Иван Афанасьевич открывать имя своей прелестницы, этой ли грубой скотине слышать милое ее имя, но что ему оставалось делать?

– Екатерина Ивановна, – сказал он воздушно.

– Ковалевская? С пятого этажа! Из тридцать восьмой квартиры? – загоготал Георгий Николаевич. – Катька! Так ведь она мужа бьет!

– То есть как? – опешил Иван Афанасьевич.

– А так... Вы-то небось думаете, что она нимфа, а она мужа бьет... Как он только с Калядиным выпьет, так она его и бьет. Чем ни попадай!

– Ну и что? – надменно спросил Иван Афанасьевич.

– А то... А то, что моей Грете ваша Катька и в качестве леща в подмышку не годится! Вот что!

– Я прошу вас взять свои слова обратно, – глухо сказал Иван Афанасьевич.

– И не подумаю.

– Ну тогда я скажу, что ваша Грета наверняка создание какого-нибудь бездарного халтурщика и место ей на помойке.

– Еще одно такое слово, и в квартире вашей так называемой Екатерины Ивановны я все заражу паршой. Мой дом? Мой! Серебряные ложки станут у нее пропадать! И постельное белье тоже!

– Вы меня знаете, я безрассудный, – тихо сказал Иван Афанасьевич, – я ведь возьму у водопроводчика разводной ключ и всю вашу Грету по частям сброшу в пруд.

Каким уж невоспитанным считался Георгий Николаевич, а тут сразу взял себя в руки. Обнял Ивана Афанасьевича за плечи и сказал:

– Да что это мы с вами из пустяков бой затеяли!..

– Для меня это не пустяки... Однако и я не собирался вас обижать... Ведь я даже хотел снять металлические ручки с моих дверей и обменять на ваши пластмассовые... Раз они вам так нравятся... Если бы пошли мне навстречу...

– Да пожалуйста! Только ведь я... – и тут Георгий Николаевич снова захохотал.

Он долго хохотал, слезы с глаз смахивал, наконец успокоился.

– Да ведь я почему смеюсь, – сказал Георгий Николаевич, – потому что мне вас жалко. Вы что, ослепли?

– Я вас прошу, Георгий Николаевич...

– Она ведь и за квартиру не платит вовремя... Она ведь и над соседом-пенсионером танцует после одиннадцати в тяжелых туфлях, когда гости...

– Замолчите, Георгий Николаевич, или я...

– Да это что! У нее, у Катеньки вашей, – не мог уже остановиться Георгий Николаевич, но перешел почему-то на шепот, и от шепота этого все зашипело в коридоре, – у нее зуба нет. Ей-богу. Коренного, четвертого сверху, с правой стороны.

От кощунства этого, от этого неприличия все задрожало в Иване Афанасьевиче, и, как был он рыцарь, так и схватил тяжелый табурет, не расплескав виски, и прибил Георгия Николаевича к полу. Сбежались домовые, корили Ивана Афанасьевича, подставив эмалированный таз, кровь кухонным ножом пустили несчастному Георгию Николаевичу, волосы прижигали ему на затылке каленым железом, уши ему продували дымом. И привели страдальца в чувство. Георгий Николаевич поднял пудовые веки и тут же стал отчаянно ругаться по-матерному. Потом он вспомнил и все резкие татарские слова, какие знал от дворников. Ему стало легче, и тогда он написал проклятие Ивану Афанасьевичу и заявление в товарищеский суд.

Разбитый и печальный лежал Иван Афанасьевич в кольцах под лифтом. «Ах, зачем, зачем затеял я этот разговор, – думал он. – Любил бы ее тихо, и все тут... А теперь как бы и Екатерине Ивановне худо не было. Вдруг и впрямь станет у нее пропадать постельное белье... Нет-нет, он на это не пойдет, не посмеет...» При этом Иван Афанасьевич жалел сейчас Георгия Николаевича. А сам себе был неприятен. Мерзок даже был. Он вспоминал свои коридорные слова, и все они казались ему дурными и недостойными. А уж то, что высмеивал Грету, было и вовсе постыдно – отчего же отказывать Георгию Николаевичу в сильном чувстве? К утру он все же заснул. И сразу же ему приснился ранимый Велизарий Аркадьевич из особняка в стиле «модерн». Был он гипсовый и голый и походил на Грету. Велизарий Аркадьевич упал на колени перед Иваном Афанасьевичем, обхватил голову руками и сказал кротко: «Ах, не бейте меня, Иван Афанасьевич, тяжелым табуретом. Потому что все во мне целиком от высокой духовности». – «Ну что вы, что вы, зачем мне, – растерялся Иван Афанасьевич, – разве я злодей какой?» И тут он проснулся в холодном поту.

Он сразу же выбежал во двор. Люди расходились на службы, и Екатерина Ивановна полосатым ангелом уплывала к своим колбочкам и пробиркам. Иван Афанасьевич чуть ли не плакал – кто знает, может, он видел ее в последний раз. Екатерина Ивановна шла, шла и обернулась.

6

Вечером был товарищеский суд. С заседателями. С графином на бильярдном сукне. Все как у людей. И суд-то был распушен до сентября на летние каникулы, однако собрался. Заседателями уселись – древний и жизнерадостный нахал Василий Михайлович и застенчивый Велизарий Аркадьевич, который отчего-то пришел босым и в тунике от Айседоры Дункан. Председателем же по справедливости стал геройский Артем Лукич. Иван Афанасьевич всем им сочувствовал, он сам, случалось, попадал и в присяжные, и в заседатели, и сам тосковал на казенном кресле с высокой спинкой. Он и всем собравшимся сочувствовал, все они были домовые неплохие, либеральные и отчасти прогрессивные, однако стоило им начать вместе обсуждать кого-то или судить, так сразу же черт знает что с ними происходило. И потом, остыв, все они, да и сам Иван Афанасьевич, вспоминая свои слова, каялись и страдали. И давали обещания: в последний раз! Да что было толку!

Иван Афанасьевич терпел и речи и показания свидетелей. Все ему удивлялись, разводили руками: «Ну, знаете ли, Иван Афанасьевич!» Из-за его страсти все глядели на него так, будто он, не подумав, принял мусульманскую веру. Даже шалопаи, уж на что были легки и свободны в мыслях, а и те говорили о нем с укоризной. Понять они его не могли, женщин презирали, а увлекались исключительно испанским певцом Рафаэлем. Словом, вышел Ивану Афанасьевичу полный конфуз. «Только про нее не говорите, только про нее не надо, – молил Иван Афанасьевич, – имя ее не марайте...» Облегчение он получил, когда Василий Михайлович, забыв о Екатерине Ивановне, обрушился на него за использование табурета.

– Экий вы сорванец! – сказал Василий Михайлович. – Размахались... И не жалко?.. Ведь сколько в этом табурете добра!.. Ежели перегнуть да очистить...

Держа в руке приговор, Артем Лукич принялся сокрушаться как ласковый, но строгий отец:

– Что же вы, Иван Афанасьевич, разве на нашей кухне-коммуне кто-нибудь мог вот эдак?... Ай-яй-яй...

В приговоре вместе с безобразиями Ивана Афанасьевича перечислялись и его заслуги. За драку в общественном месте ему было наказано три лунных месяца на собрание домовых приходить непременно двадцать вторым. Но драка была сосчитана мелочью, а вот женщина всех расстроила. В связи с нарушением лешачьих заповедей Ивану Афанасьевичу было запрещено смотреть на смутившую его женщину, тем более что она была из чужого строения. В случае нового нарушения запрета Ивану Афанасьевичу грозило переселение с позором в деревянный одноэтажный дом у платформы Северянин, не подлежащий сносу.

– Подлежащий сносу, – предложил Федот Сергеевич.

Артем Лукич остановился и, как показалось Ивану Афанасьевичу, взглянул на Константина Игнатьевича с Таганки. Тот сидел, как всегда, тихо, права голоса не имел и никакого движения не сделал. Артем Лукич подумал и сказал:

– Правильно. Подлежащий сносу. Чтоб мог вернуться в большую жизнь. Но без телевизора.

Все сразу зашумели. Представили: взглянет Иван Афанасьевич раз на женщину и – на тебе! – не увидит первенства мира по хоккею и не услышит вдохновений Г. Саркисянца – разве это не жестоко?

– Ладно, ладно, – поднял руки Артем Лукич.

Так и записали: «...дом, подлежащий сносу, с телевизором...»

В коридоре к Ивану Афанасьевичу подошел Федот Сергеевич, сказал взволнованно:

– Иван Афанасьевич, любезный, вы хоть понимаете, что отделались легко? Я вас люблю и боюсь за вас. Вы не старый, но и не юнец. Я вас понимаю и прошу: образумьтесь! Выкиньте из головы Екатерину Ивановну. Что поделаешь? Она не для нас с вами. Нынешний суд – ведь это все шутки... Вас же не то что переселить могут... Сделаете еще один шаг, переступите лешачий закон, вас же и по ветру развеют...

Похолодел Иван Афанасьевич. И было от чего. Ведь правду сказал старик. Правду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.